

І часть

«Здравствуй, папочка. Пишет тебе твоя дочь Аня. Наша мама – спекулянтка. Она покупает вещи в чужом городе и продаёт в нашем. Я знаю, что это нечестно. Я готова жить в детском доме, но мама должна ответить за это. Я с ней разговаривала, что могу жить бедно и есть только хлеб, но она меня не слушает. Поскорей возвращайся».

1.

В тридцать с небольшим Нина выглядела старше своего возраста. Грубые черты лица, никогда не знавшие косметики, большой мясистый нос и реденькие рыжие брови её удручали. Нос – наследство матери, рыжие волосы – отца. Все в её роду были чёрными как смоль, только отец был рыжим, вот и наделил дочь-последыша этой «красотой». Только губы на её лице выглядели так, словно были позаимствованы. Ровные, упругие с розовым оттенком – всё, на чём можно было остановить глаз. Знала, что прицепилось противное прозвище «Нинка рыжая», но принципиально никогда не красила волосы. Как-то примерила парик – сама рассмеялась. Нет уж, какая уродилась, такой и век доживать. Лишь бы мозги работали. А мозги у неё работали – дай бог каждому. Рыжие волосы Нина два раза в год завивала в парикмахерской и дважды в год красила брови чёрной краской. Носила свою деревенскую красоту, как Бог послал. Главное, он послал ей сильный характер.

Выехав из деревни в семнадцать лет, так никогда туда и не вернулась. Не её жизнь – прозябать на колхозных полях. Как вспомнит – оторопь берёт, неужели удалось сбежать. Никогда не пожалела Нина о своём поступке. Никогда не хотела, чтобы её дети жили в селе и бегали босыми по пыльным песочным дорогам. Лучше в гости к родне. Правда, её никто домой никогда не позвал. Как-то быстро отрезали пуповину. Уехала – живи своей жизнью. И помогать не помогали – ни куска сала, ни мешка картошки с огорода. Живи, девка, в городе. Жила. Многому научилась. А главное – научилась молчать и не жаловаться. В какие бы перипетии она ни попадала, никто никогда об этом не знал. То ли ошибки, то ли какие достижения – это только её секрет. Она и детям ничего не рассказывала, не хотела, чтобы знали о том, что она иногда может быть слабой и беспомощной. Мать – образец для детей. Всегда чистая, с напомаженными губами, улыбалась детям, а глаза излучали не счастье, а грусть, но зачастую – жёсткость. Она привыкла прятать от соседей глаза. И не потому, что была слишком скромной, – потому что не любила откровенных взглядов.

Семейная тайна много лет не давала возможности жить открыто. Об этом не принято было говорить. Тайна отца, который воевал в Великую Отечественную, вернулся живым и угодил на Беломорканал... И только в 53-м освободился досрочно по амнистии. Не хочется об этом думать и вспоминать. Когда старшая сестра увидела отца живым, не смогла сдержать эмоции. Бросилась отцу в объятия и замерла. Её аккуратно отвели в хату-мазанку, уложили в постель, а через несколько дней Оля умерла. От разрыва сердца, говорили.

2.

Сегодня Нине нездоровилось. Всё валилось из рук, ноги подкашивались, тошнота подступала к горлу. Болеть она не просто не любила – боялась. Она аккуратно уложила своё тело в постель и притихла в ожидании сна. Дети где-то мотались на улице. С этим было нормально: пока не загонишь в дом, ни за что не зайдут сами. Не хотелось, чтобы видели сонную мать. Она всегда была для них примером стойкости, силы и уверенности в себе. Нина резко провалилась в сон так, что дёрнулась на кровати и широко раскрыла глаза. Сон улетучился. Где-то она читала, что в такое состояние можно впасть, когда головной мозг сон путает со смертью. Мозг думает, что он умер и отключается, а потом вспоминает, что это всего лишь сон и продолжает свою работу.

– Бред какой-то, – произнесла она шёпотом. – И жизнь после жизни – бред. Какая это жизнь, если своих детей не увидишь.

По стеклу поползла муха. Она так шлёпала своими железными лапками, что стало совсем тошно. Нина вскочила с кровати и побежала к ведру. Похоже, колбаса была просроченной. Или нервы сделали своё дело? Говорят, при повышенном давлении такое бывает.

Освободив желудок, женщина снова улеглась в постель. Под подушкой лежало письмо, которое принесла соседка, работающая на почте. Когда-то, очень давно, в другой жизни, Василий уже писал письма из мест лишения, и Мария приносила их сама, горя желанием посмотреть на соседку, у которой муж тюремщик. Ждала, что та при ней вскрыет письмо и быстро начнёт читать, как в войну с фронта. Но и в прошлые разы, и в этот раз Нина при Марии сунула письмо под школьную тетрадь и повернулась к плите, всем видом показывая, что соседке пора уходить. Маше уходить не хотелось. Любопытство съедало всю совесть.

Муж у Марии был тихим, низкорослым, пьющим мужиком. О том, что он пьёт, соседи не знали. Ей и так хватало позора без этих сплетен. С Ваньки смеялась вся округа: он не выговаривал половины звуков. Как малое дитя что-то «булькал», не стесняясь, что это смешно и глупо. Глубоко в душе затаилась червоточинка у соседки, что не только у неё в семье должно быть плохо, пусть у многих так будет. Козни делать она не умела, а личным любопытством не обделена. Просто получала бабье удовольствие от чужих слёз. В отличие от Нины, Мария была высокой и худой. Разговаривала на украинском. Они прекрасно друг друга понимали: русскоязычная соседка внимания не обращала на разговорный диалект.

Мария не только Нине носила письма. Всё местное стариковское население в определённые дни ожидало её с квитанциями. Маша разносила по дворам пенсию. Она это делала с каким-то вкусом. Одна старушка пригласит на чай, другая борща свежего предложит. Никого не чуралась почтальонка. Дома всё было, но доброе слово могло обернуться двумя копейками, незаметно придвинутыми старой ладошкой в сторону «кормилицы». Она не стеснялась брать – так было заведено. Систему никто не собирался ломать. Нина денег не давала, но с ней можно было договориться по благу купить детские вещи. Всего рубль сверху, а дефицитная вещь долго будет радовать глаз.

Только Мария ушла, Нина вскрыла конверт. «Здравствуй папочка. Моя мама спекулянтка»... Это был удар в солнечное сплетение. Родная дочь написала бывшему мужу жалобу на мать. Откуда в ней эта ненависть, кто надоумил девчонку написать такое злое письмо? Неужели она не понимает, что может оказаться в детском доме при живой матери? Сначала хотелось порвать письмо, но что-то остановило от опрометчивого решения. Нет, так нельзя. Пусть пока останется как напоминание. Нина лежала в постели и всем телом, всеми мозгами, каждой своей клеточкой умирала от обиды.

Наверное, надо было рассказывать детям, откуда берутся копейки на молоко и хлеб. Многие не выживали на одну зарплату. А в её случае это было полное опустошение. Бывший муж алиментов не платил, нового мужа она, вечно загнанная лошадь, так и не завела. Чтобы хоть как-то оставаться на плаву, надо было заниматься торговлей. Фарцовкой, одним словом. Да, это было противозаконно,

но это было. Вот и договорились с приятельницей Татьяной вместе мотаться в Белоруссию, Ригу, Румынию, Москву за косметикой. Благо соседка-старушка присматривала за дочерьми. Зря всё-таки молчала. Надо было поговорить с детьми. Теперь поздно. Как вырливать?

Кто-то постучал в дверь. Вставать не хотелось.

– Нина, ты заболела? – просунула голову в дверь соседка тётка Фрося.

– Немного.

– Давай я тебе молока принесу.

– Не надо. Я скоро встану.

– Встанешь и попьёшь, – уже на ходу кричала соседка.

3.

Жили они в колхозном доме. Почему именно в колхозном? Потому что в колхозе Василий проработал несколько месяцев и ему выделило правление часть дома. Располагался дом в середине длинной улицы. Подворье имело преимущество: в конце огорода протекала речушка. Ну, речушка – громко сказано, но то, что бурный поток грязной отработанной шахтной воды носил в своих водах множество крыс – это было. Огороды грязной водой никогда не поливались, но трава, буйно растущая вдоль берегов, была словно ковёр в дорогом доме. Так и хотелось разбежаться и нырнуть в этот ковёр, необычайно мягкий и нежный. Особенностью этого дома было то, что он предполагался изначально для двух семей. Такое незатейливое общежитие для работников колхозных полей. Кто здесь только не жил! Но надолго никто не задерживался. Мужики попадались работящими, им быстро выделялась земля под застройку, и они выезжали, навсегда оставляя бетонные стены холодного жилища.

Первое, что бросилось в глаза, когда переступили порог дома, – мышиный помёт. Нина постучала палкой по полу и стенам, и все услышали шуршание. Тогда не придали значения этому шороху, а спустя время послышался топот ног по чердаку.

– Кто у нас ходит по потолку? – спросила старшая дочь Инна.

– Крысы.

– Разве они топают как люди?

– Похоже, как люди.

С тех пор девочка стала бояться своего дома. Рисую перед собой картины одну страшнее другой, она пугала Аню, а та в самый неподходящий момент могла закричать: «Крыса!» – и убежать из дому. Визг стоял на весь дом.

Нина организовала спальню, временно занавесив окно стареньким пододеяльником. Знала ли она тогда, что это временное затянется на неопределённое время. Спальня была узкой и длинной. Вдоль стены – кровать, стул для вещей и в углу, у окна, старенький шифоньер. О коврах не было и речи. Она, пока Вася был на работе, сняла со стола скатёрку, прибила её над кроватью и молча любовалась этой выдумкой. Со временем всё купится. Шуршание крыс настораживало. У соседки свиньи и корова, у них – лежбище крыс. Ладно, Василий выведет.

Где-то на подсознании Инночка понимала, что опыт общения с этой тварью, крысой то есть, у неё был. И тут она вспомнила своё безоблачное детство, проведённое на Целине.

4.

Крыса приходила сюда часто. Всякий раз, когда дома никого не было, она спокойно проходила вдоль дальней стены и так же спокойно располагалась у порога. С высокого топчана было тревожно за ней наблюдать. Что будет дальше? Может, накормить гостью? На топчане ничего съедобного, кроме печенья, не было. Не отдавать же любимое лакомство непонятной гостье. Стоило только пошевелиться, как у дверей происходило чудо: гостья вскакивала на задние лапы и обнюхивала воздух.

– Крыса, уходи отсюда, – шептала девочка и, чуть осмелев, что-то бросала в сторону двери.

В мгновение ока крыса исчезала в норе, которая была где-то в углу, у печки.

Вставать было всегда страшно, и Инночка отчаянно ждала с работы маму. Как долго длился рабочий день... как долго длился выходной в детском саду. Сестру часто забирала тётя Груня, а Инночку, на правах старшей, почему-то оставляли дома. Мать и сейчас не даст ответа, почему так поступала. Много времени прошло с тех пор. Память решила оставить этот вопрос нераскрытым.

Это было обыкновенное детство целинных детей. Не всех детей, а некоторых. По утрам вереница родителей с детьми тянулась к детскому саду, некоторые дети молча, в одиночку брели по дороге сами (их родители давно уже были на работе).

Инночка с Анютой в детский сад часто ходили без мамы. Ох, и непослушная была сестрёнка: никак не хотела перепрыгивать через ручеёк. И что здесь сложного? Разгонись и прыгни, а она сразу в рёв. Инночка из всех детских сил пыталась самостоятельно перетащить её через струйку воды, которую малышка истерически боялась, но силёнок не хватало. Попрыгав через ручеёк несколько раз и поняв, что ничего этим не добьётся, Инночка заплакала. Ну почему сестра такая капризная? Анютка начала орать на всю округу, чтобы её пожалели и перетащили на другую сторону ручейка. Никого рядом не было. Инночка сказала, что детский сад пропускать нельзя, и пошла сама, как на работу, оставив сестрёнку одну. А та быстро побежала домой. В сад ходить было интересно – там непременно угощали печеньем. Девочка знала, что печенье помогает выдержать страх перед крысой, поэтому никогда его не ела, а прятала в кармашек платья и приносила домой.

5.

На Целину Нина приехала не из патриотических убеждений, хоть и была комсомолкой. Просто поехала на зов непутёвого мужа. Родила ему дочурку. Вроде семья получилась, завод выделил жильё. Самое настоящее: комнату в квартире «дома-сталинки». Живи и радуйся. Жила. Радовалась. Пока муж не объявил, что завтра уезжает осваивать Целину.

– Вась, тебя кто туда послал? – решила спросить Нина.

– Родина. Знаешь такое слово? Родина меня позвала. Ты не грусти, я, как только там обживусь, сразу тебя вызову. Одна не останешься.

– А ребёнок, Вась? Мне на работу пора оформляться, а куда я её, трёхмесячную, дену?

– Ну что ты завелась? – вспылил Василий. – Не на войну еду. На Целину. Поняла? На Це-ли-ну!

Вот так осталась в городе молодая мать одна одинёшенька. Сердце рвалось на части от мысли, что ребёнок не будет знать отца. Так нельзя. Ладно бы его не было, а тут – жив и здоров. В ясли отдавать ребёнка не хотела, думала, свекровь поможет. Напрасно думала. Эта семья жила своими интересами. Только когда Нина ходила на сносях, узнала, что муж отсидел срок за хулиганство. Вот откуда в нём агрессия. Она пыталась разговаривать с ним мягко и ласково, но это всегда получалось ехидно и саркастически. От тонкого слуха молодого человека это не спрячешь. И тут же – разряд эмоций – кулаком в глаз молодой жене. Где и прыть делась? Как-то сникла молодичка, потухла. Длинную косу обрезала, косынку повязала по-деревенски и завила короткие волосы такой химией, что на год хватало быть кучерявой.

В последний раз заглянув свекрови в глаза, поняла, что не будет ни любви материнской, ни помощи. Пришлось оставить работу. Василий заваливал жену письмами. В этом деле он был мастером. Иногда рифмовал стихами. Столько слов тепла и любви Нина никогда в жизни не слышала. Сердце растаяло. Рассказав соседке о намерении уехать, удивилась её резким возгласам.

– Ты куда едешь? Ты знаешь, что такое бескрайние степи? Ты видела, где он живёт? Да кому ты нужна? Твоя свекровь на руки не взяла внучку, а я, соседка, с ней сижу. Не отдам! – вдруг прижала к себе маленькую Инночку соседка. – Не отдам. Одумайся!

– Я всё решила. Ребёнку нужен отец.

– Давно не битая?

– Он не будет бить. Читала, какие письма пишет?

– Читала. Врёт. Поверь моему опыту. И... долго будешь скрывать?

– Что скрывать? Ты о чём?

– Все знают, что твой Васька сидел.

Как обухом по голове двинуло молодую женщину известие. Конечно, она знала. Но так не хотелось, чтобы о ней говорили плохо. Свекровь скрывала факт ходки в тюрьму. Да и как она могла проговориться, если на горизонте замаячила деревенская дурочка. Она только выпендривается под городскую. Видно невооружённым глазом, что деревню из девки вовек не выбить. А сын пристроен.

– Зина, ну какой у тебя опыт? Твой тебя пальцем не тронул, – продолжила Нина.

– А твой...

– Я всё решила.

С завода уволилась быстро, связала в узелок свои пожитки, завернула в старенькое, умело спрятанное в белый хрустящий пододеяльник одеяльце малышку и отправилась к мужу на край света. Семья должна жить под одной крышей. И старенькая мама когда-то её учила. Неграмотная была женщина, но такая тёплая и домовитая. Надя знала, что её отец был ещё тот ходок по девкам. Говорили, что и дети его по чужим дворам живут. Он только залиvisto смеялся на все пересуды, растягивал меха гармошки и заводил частушки. Любили Тимофея не за деловитость, всем по нраву был его весёлый озорной характер. Неграмотная жена со временем из первой красавицы на деревне превратилась в маленького загнанного зверька. Но семью блюла. Детей нарожала, обихаживала всех, как кошка. Но только в семье дружбу так и не основала. Каждый жил сам по себе. Секреты, шепоток, ухмылки – всё это со временем стало привычным.

«Семья должна жить под одной крышей», – шептала Нина, увидев над головой высокое бескрайнее небо. А где дом? Где улица? Где семья? Василий не встретил. Говорят, был в дальнем зерносовхозе с агитконцертом.

Пшеничное поле встретило новеньких пылью, ковылём, травой перекасти-поле, ветром, запахом переработанной солярки. Где-то далеко работали комбайны. От обиды не плакалось, а вылось. Как здорово выть в степи. Вой – не хочу. Подумав, что напугает дочурку, Нина замолчала. Благо в это время появилась живая душа.

– Эй, мать, садись в машину, – закричал издали шофёр, выглядывая из кабины.

– Нет, я сама дойду.

– Сама? – засмеялся шофёр. – Не дури. Это – поле. Бескрайнее, слышишь? Останешься на ночь, вместо волка выть будешь.

– Мне бы Василия найти... – хотела, было, продолжить Нина, но мужичок её остановил:

– Вася попросил встретиться тебя с поезда. Извини, мать, опоздал. Извинила?

Конечно, она извинила. Не очень хотелось оставаться в поле, тем более голодной и тем более с крошкой на руках.

Когда «мать» влезла в кабину грузовика, водитель заржал:

– Ну, ты даёшь! Ты чего так вырядилась? Я растерялся, как к тебе обращаться.

– Так я в дорогу оделась. Не в вечернем платье по полям гулять.

– Ладно, встретимся ещё в вечернем платье да в смокинге. Урожай снимем, медали на грудь повесим, вот тогда отметим.

6.

И пошла-покатилась жизнь. Кто там никогда не был, не догадается, что там не мёд. Вместо домика – барак на восемь семей, уборная и умывальник на улице, вода в чистом роднике – за два километра от дома. Летом метёт песок в лицо, зимой – снег выше крыши. Из крайности – в крайность. Золотой серединой был только энтузиазм молодых сердец да любовь. Хорошо, если любовь была в семье. Тогда и проблемы не видны были так ярко. Хуже было у Нины. Оказалось, вся любовь осталась в письмах, которые она любовно связала ленточкой, мечтая вместе с мужем перечитывать их по вечерам.

Не заладилось. Если в зерносовхозе и уважали Василия за сильное слово и юмор, то дома всё заканчивалось скандалами, стоило ему переступить порог. Тот самый порог, у которого вечно сидела крыса. Неустроенный быт в бараке, постоянные разъезды комсорга-активиста Василия разъели ржавчиной все отношения. Нину держал в семье долг. Не денежный, конечно, а тот самый пресловутый долг перед детьми, которых было уже двое. Она и сама поначалу жалела о втором ребёнке, но всё сложилось так, что посоветоваться было не с кем – рожать или не рожать.

Вася снова был в длительном отъезде. Да и какая разница, что он скажет. Ей ведь растить. Она стояла у дверей местной акушерки. Кто-то посоветовал Барбару. Многие немцы после того, как освободились от плена, остались жить на целинных землях. Барбара не была пленной, она приехала сюда к своему мужу. Поняла, что притеснений для неё не будет (отличный гинеколог), осталась устраивать свое гнёздышко. Никто в округе не смел слова плохого о ней сказать, но если муж был дома, близко к порогу никто не подходил. Отдельно снимать комнату ей никто не разрешил, поэтому перебивались, как могли.

Барбара своим видом напоминала мужика-спортсмена. И уродится же такая «красота» – не чета славянским девочкам. Но Нина на этот счёт имела собственное мнение и собственное отражение

в зеркале. Если Барбара была высокой и угловатой, то Нина – низенькой, с овальными плечами и красивой грудью. Но это можно было заметить, если её раздеть. А она стоит на пороге в старой фуфайке, огромных валенках, обёрнутая клетчатым пледом. Мороз ударил недетский.

– Ви зачем? – картавя, спросила доктор.

– Мне срочно надо избавиться, – стесняясь своего положения, прошептала молодая женщина.

– Проходите...

Очнулась Нина в палате больницы. Оказывается, всё пошло не по плану. Неожиданно вернулся муж Барбары, и она быстро проводила пациентку за двери. По дороге домой у женщины открылось кровотечение. Она присела у забора, заваленного снегом, и не заметила, как начала дремать. Тело становилось слабым и бессильным. Постепенно пришло чувство умиротворения...

Ребёнок остался. Она не рассказала мужу о походе к знатной акушерке. Знала, что ему безразлично, или догадывалась. Но так хотелось верить. Хотелось быть маленькой девочкой, спрятавшейся воробышком под крыло мужа.

– Нинка, приходи на чай, – как-то позвала подруга Груня. – Чего дома сидишь? Опять мужа ждёшь?

– Конечно, Грунь. Он снова на работе.

– Да знаю я его работу, – начала, было, Груня, да быстро осеклась. – Ладно, жди нас с Нелькой.

Вместе придём почаёвничать. Сахар есть?

– Нет...

– Ладно, чего потухла?! – прикрикнула Груня. – Всё равно жди. В магазине работаешь, а жратвы нет. Дурная ты – учить надо. Семью так не накормишь, – матюгнулась на всю округу подруга.

Ох, и матерщинницей она была. Не замечала ни детей, ни стариков. Иначе не могла разговаривать. Говорят, на фронте была, многое повидала. Там и курить «Беломорканал» научилась, и самогон пить не закусывая. Наберёт в рот глоток побольше и держит его, словно хочет прогреть каждый зуб. А потом как хряснет луковицу – брызги во все стороны – и причмокивает от удовольствия.

Все любили неугомонную Груню. А та таскала на руках Анютку, смеялась и учила её материться. Школа была отличной. Научила-таки.

7.

Чай был вкусным. Подруги принесли сладостей, сушки, заварки. Пили долго, смачно прихлёбывая чай из блюдец. В совхозе принято было пить много чая. Дети не мешали, мужа не было. Говорили обо всём: о пшенице и совхозном фруктовом саде, о больнице и магазине, о том, что на совхозном току обрызгали семечки каким-то раствором для того, чтобы воробьи не склевали весь урожай, договорились всей компанией сходить в совхозный сад набрать яблок. Хоть они и мелкие, как дички, но детям нужны витамины. Сколько они будут грызть чай в брикетах из сухофруктов? Расхотелись тихо, стараясь не разбудить детей.

Муж домой не пришёл. Утром его тоже не было, к вечеру – тишина... через полмесяца получила Нина письмо. Он рассказал, что на Целине делать нечего, что всё, что от него требовалось, он сделал. Родина не в обиде на него, и теперь он снова живёт на Украине. Дома.

Нина не плакала. Выть тоже не было сил. Она молча повернулась к деревянному топчану, где спали дочери, машинально провела руками по бёдрам сверху вниз, словно одёргивала юбку, и намертво решила остаться в зерносовхозе. Сама вырастит дочек. Работа есть, место в детском саду – тоже. Старшая Инночка осенью в школу пойдёт. Кое-как быт налаживается. Да и в совхозе её уважают. А там и диплом скоро получит. Пусть заочное обучение, но всё же – грамотная.

– Мама, а где папа? – как-то раз спросил кто-то из детей.

– Родине помогает, – улыбнулась мать, и слеза капнула просто так, машинально.

Иногда она брала детей, и все вместе шли в поле посмотреть на комбайны. Дети знали, что на одном из них работает папка. Но он не может к ним подъехать – у него работа. Так и жили в маленьком обмане. Дети верили матери.

Писем было слишком много. Каждый день. И не ленился строчить. Снова о новом доме, о работе, снова сказки. Не верила. Долго не верила, но... она – мать, а детям нужен был отец. Уладив все дела в зерносовхозе, сдав под ключ магазин и загрузив контейнер с нехитрым скарбом, Нина купила билеты домой. В мыслях она представляла себя счастливой женщиной. Она была убеждена, что Василий совершенно изменился. Иначе и быть не могло. Зачем тогда такие душещипательные письма?

Домой возвращалась долго... Уральские горы, реки, степи, леса, города, посёлки, снова степи. На руках двое детей – семи и пяти лет. Удобнее было бы в купейном вагоне, но это дорого стоит. «Хорошо, что не в общем», – успокаивала себя измученная дорогой женщина.

На вокзале семью никто не встречал. Постояв минут пятнадцать, Нина решила пойти на вокзал. Василий сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и спал.

– Ой, роднулька! – подскочил он, как только жена прикоснулась рукой к его плечу. – У тебя деньги есть?

– Есть немного.

– Дай полтинник, очень надо.

Надя достала мелочь и отдала мужу. Он пулей скрылся из глаз. Спустя минут десять вернулся довольный, с примятым и подвявшим букетиком полевых цветов и сильным перегаром от свежеспитого вина.

– Это тебе! Я так соскучился! У тебя есть деньги на такси?

Родители Василия неприветливо встретили новоявленное семейство с двумя детьми. Да и соседи по коммунальной квартире рано утром помчали в контору с жалобой на то, что по соседству живут без прописки приезжие с шумными и крикливыми детьми. Недолго думая, Нина пошла по бывшим знакомым в поисках любого жилья, лишь бы поскорее освободить родительскую комнату. Правы были товарищи: ничего у мужа нет. Одни слова, одни письма.

II часть

Как ни старалась всю жизнь, Нина так и не нашла общий язык со старшей сестрой. Слишком разными они были что внешне, что внутренне. Только после смерти Евдокии поняла, что никому не нужна была со своими сестринскими чувствами. Когда хоронили Евдокию, Тимофеевна стояла поодаль одна. Именно сейчас, спустя пятьдесят лет, она поняла, что всю жизнь была одна. Гипотетически.

Была когда-то большая и совсем не дружная семья, которая никогда не приняла и не полюбила «последыша». Как можно полюбить сестру, которая на двадцать лет моложе старших детей? Зачем семье лишний рот? Кому надо её кормить в голодные годы войны? А мать и не пыталась навязывать свою кровинку. Всё делала сама, оправдываясь своей неграмотностью. Сама, мол, всё сделает.

Как слепой котёнок, металась подростком то к сестре, то к брату, пока не поняла, что выживать надо самостоятельно. А потом решила, что, когда у неё все заладится, они поймут, что зря отворачивались от сестры.

Наверное, очень заладилось. Заочно окончила техникум, устроилась сама на работу с постоянным окладом, получила жильё в новостройке, вырастила достойных детей. Почему старшие братья и сёстры так и не приняли её в свой круг?

Как-то дочь сказала, что от зависти.

– Не говори глупости, – шикнула мать. – Такого быть не может. Чему здесь завидовать?

– Тому, что никогда не попросила помощи.

– И не попрошу. Я ещё и сама им помогу.

– И напрасно, мам. Напрасно.

И вот сейчас она стоит одна. Поодаль. Ни слезинки.

Что с тобой, женщина? Ты так сильна? Или всё же поняла, что никогда и никому из своей родни не была нужна?

В гробу лежала её старшая сестра.

– Как они похожи на свою мать, – прошептал кто-то за спиной.

– Как они похожи между собой...

– Прости меня, – вдруг прошептала младшая, – прости.

– Мама, она не ответит. А за что ты просишь прощения?

– За то, что родилась, – сказала женщина и бросила горсть земли в могилу...

Тимофеевна долго таила обиду на старшую сестру, которая усадила Василия за решётку. Да и причина мизерная – обычный семейный скандал. Сколько их было, уже и не сосчитать. И надо было Дусе крикнуть на Васю и расстроить его. И пусть бы только крикнуть, но она его выгнала из собственного

дома. Дома, который Василий получил в колхозе. Да, не работает он там давно, но кто Нину с двумя детьми выгонит? Да и платит она регулярно за жильё.

8.

Суд был долгим и показательным. Стыдно было по улице пройти. Ни разу не было случая, чтобы кто-то её не зацепил и не начал расспрашивать, как такое могло случиться, что именно «за злостное хулиганство» мужика упрятали.

Вот с тех пор и притихла женщина, понимая всю тяжесть своего положения. Надо было терпеть из последних сил, пока не получит квартиру в новостройке. Вот там её никто не знает и там она будет совершенно свободна от сплетен.

Она ещё не могла понять, что, если бы не сестра, так бы и жили с дочерьми в постоянном страхе. Время шло, обиды стирались из памяти, а на их месте стали появляться новые, более яркие «воспоминания», где она себя видела красавицей с длинной косой, где была смелой молодухой, умеющей дать любому отпор. И Василия своего за пояс могла... Теперь она знала, что это она, Нина, его выгнала из дому за нелюбовь к себе. Что просто открыла дверь и выставила его за порог. «Иди! Иди отсюда навсегда!» – шептала вслух как заклинание, очень важные для себя слова.

9.

Одиночество Нины Тимофеевны закончилось в шестьдесят лет. Нет, это была не любовь. Это было именно неодинокство. У неё наконец появилась возможность приготовить борщ не себе, а кому-то. Как-то постепенно всё отошло на второй план. Хотя она и продолжала говорить дочерям, что прожила жизнь ради них, хоть и периодически интересовалась, как там внучки, всё внимание доставалось её «неодинокству». Тем более, всех устраивал ход таких событий. Все оставались при своих интересах. Главное – Тимофеевна приободрилась, сменила старенькую косынку на новую. Теперь в её голосе появились командные нотки. Она легко управляла своим дедом, а он только посмеивался, глядя на то, как она превращается в хозяйку у плиты.

Дед был не прочь выпить чарочку-другую самогонки перед завтраком, обедом и ужином, и это не мешало ему, бывшему шахтёру, крепко держаться на ногах. Снова поползли слухи, но в этот раз Тимофеевна не прятала глаз, не молчала, а лихо отбривала соседок, стоило тем рот раскрыть на её новый образ жизни.

Инсульт свалил её деда на три года. От больницы отказались сразу, понимая безвыходность ситуации. Или помедлили необдуманно, кто теперь знает? Теперь Нина, та Нина, которая в молодости не долюбила, не наухаживалась, стала просто необходима лежачему старику.

Ни разу не укорила судьбу за это испытание. Ни разу не упрекнула себя за то, что выбросила из головы всех родных, а накрепко оставила в сердце больного, немощного старика. Она – его надежда и опора. Она его любовь и вера.

10.

Она спокойно сидела на стуле возле газовой плиты, изредка отвечая на вопросы, с трудом вытягивая из себя реплики и, как замороженная, глядела на флакончик с «тройчаткой». Слез не было, стонов и вздохов она не издавала. Привычка всегда и во всём быть сильной не давала выплеснуться крику наружу. Элементарному бабьему крику на все девять этажей, на всю бабью долю. Ничего этого не было. Ни о чём не думалось. Да и что теперь вспоминать? Вокруг суетились женщины, то и дело разговаривая на татарском.

- Слава тебе, Господи, – вдруг выдала она и перекрестилась.
- Ну вот и всё. Всё нормально? – спросила татарочка.
- Конечно. Плакать не буду, слёзы не приходят. Застряли где-то глубоко.

Да и делать им здесь нечего. Деньги у меня в кармане. Сколько надо – берите, похороним по-человечески. Сильная. Она всю жизнь играла роль независимой женщины.

Раньше никому не было дела до жизни и существования старого, грязного, вечно пьяного Гришки. То он валяется в подъезде у себя под дверью, то спит на скамейке, то бродит по двору в поисках собутыльников. Нашлась сердобольная Тимофеевна быстро. Сейчас модно у подъездов прикармливать

бездомных собак и кошек. Она стала прикармливать Гришку. А чем можно поделиться со скудной пенсии? Остатками своего обеда. Но не голодать! В наше время стыдно помирать от голода. От водки – куда проще.

Вот так всё и закрутилось. Соседки стали перешёптываться между собой, мол, глядите, Тимофеевна в молодость ударилась. А ей и дела не было до пересудов: сама кого хочешь обсудит и глазом не моргнёт. То штаны деду постирает, то рубаху. Картуз новый прикупила, сигареты стала носить из киоска. На Пасху угостила свежееиспечёнными куличами, и старик совсем подобрел.

Привыкали друг к другу насторожённо, по-стариковски. Но доброта и сострадание здесь шли рука об руку. Никто уже не помнит, как всё спустилось с тормозов, но дед уже стал захаживать в квартиру Тимофеевны.

Дети к этому отнеслись более чем спокойно. Вроде и не теряли мать и бабушку. Не было в ней этой жилки. Не хватало у неё терпения на семью. Свободное время она коротала во дворе своего дома. У всех на виду привела в порядок детскую площадку для соседских детей, соорудила небольшую клумбу, раза два в неделю мыла общий коридор. Одним словом, находила себе занятие. Не любила сидеть в квартире, не свила уютное гнёздышко, не было в ней этой жилки.

Бабай (так Тимофеевна звала деда-татарина) внёс разнообразие в её созданную искусственно одинокую жизнь. Повеселела бабушка на глазах. Преобразился и бывший пьяница. И темы для разговоров находились сами собой. Дети не мешали. Если ей это нравится, – пусть живёт. Лишь бы не болела.

Всё произошло неожиданно. Ночью он упал с кровати и больше не поднялся. Это был инсульт с вытекающими последствиями. Каждый день Тимофеевна ждала его смерти. А смерть положено встречать чистым и вымытым. Так и проходили день за днём в ожидании конца. Кормёжка с ложки, питьё через трубочку, памперсы, тряпки, пелёнки, таблетки и капельницы. Соседки перешёптывались, затем переговаривались, не решаясь в лицо высказать своё отношение к этой ситуации.

– Это мой крест, – только и говорила Тимофеевна, – я должна его за что-то нести.

– За что, мама? – спрашивали дочери.

– За грехи свои.

– Но он совершенно чужой человек. И вера не наша, и ругается громко и противно, хоть и лежачий. Может, в больницу его определим?

– Я сама. Я должна...

– Да что ты ему должна?

– Не знаю, дети. Пусть всё остаётся так, как есть. Я выдержу.

И вот теперь она никому не нужна. Она – православная. Рашида, разбитная и разговорчивая соседка, заранее договорилась о ритуале погребения и сейчас стояла в дверях, никого не пуская в комнату, где лежал Бабай. Мулла со своими помощниками проводил ритуал омовения.

Только и разглядела дочь медицинские халаты, чемодан старого образца, огромное деревянное корыто, оцинкованное изнутри, и кумган, из которого за шторой поливали покойного.

Русским нельзя находиться рядом. Увидели Бабая, только когда он был спеленан в кокон. Никого нет. Ничего не видно. Гроба тоже нет. Очень тихо и быстро прошёл ритуал. Без лишней суеты покойного вынесли во двор и положили на чиназу (носилки такие) и укрыли покрывалами, исписанными молитвами из Корана.

– Слава Богу... – сказала дочь, глядя матери в глаза и по христианскому обычаю взяла горсть земли и бросила вслед отъезжающему катафалку. Русских женщин на мусульманское кладбище не взяли.

Тимофеевна вернулась на кухню и присела на старенький табурет. На столе стояла «тройчатка». Ни слёз, ни крика, ни стонаний. Мусульманин ушёл тихо.

– Царствие небесное, – прошептала Тимофеевна... Была маленькая надежда на счастье. Была ведь. Она точно знает. Теперь как жить? Без надежды пусто. Нина Тимофеевна подошла к окну, упёрлась полусогнутыми руками в подоконник и посмотрела вниз, с пятого этажа.

– Люди ходят... Куда идут? Куда торопятся? Чему верят? На что теперь надеяться?..

В углу подоконника лежала стопка пожелтевших писем, перевязанных верёвочкой. Тимофеевна медленно развязала шнурок, надела очки, прочитала адрес и достала из конверта письмо. «Здравствуй, родненькая. Как долго мы не виделись. Тюрьма – не курорт. Как там наши дети? Ты ещё продолжаешь меня ждать? Смотри, не дури. Я скоро вернусь, ноги повыкручиваю, если узнаю, что с кем-то живёшь»...

– Одна я. Одна. Прошептала в пустоту старушка.